

коллекция

КАРАВАН

историй

Дочь
Евгения
Евстигнеева:

«Представить
страшно,
как мама
страдала»

Воспоминания
первой жены
Алексея Балабанова:

«Считаешь, я виноват в смерти
Сергея Бодрова?» —
спросил меня Леша»

Евгения Крюкова:

«Ни одна страсть
не может пылать вечно»

Бедрос Киркоров
о себе и сыне:

«Спустился к Алле —
посуда побита,
стол перевернут.
«Где Филипп?» —
«Хлопнул дверью
и ушел»

ISSN 1818-4383

9 771818 438774

0.9

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРАВАН** ИСТОРИЙ

НА ОБЛОЖКЕ

ЕВГЕНИЯ КРЮКОВА
ФОТО И КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИЗАЙН
ЕКАТЕРИНЫ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ
БЛАГОДАРИМ САЛОН «ENGLISH INTERIORS –
ГАЛЕРЕИ СТИЛЕЙ ИНТЕРЬЕРА»
ЗА ПОМОЩЬ В ПРОВЕДЕНИИ СЪЕМКИ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЗАО «ИЗДАТЕЛЬСТВО СЕМЬ ДНЕЙ» WWW.7DAYS.RU

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР НИНА НЕЧАЕВА

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЛАРИСА ВИННИК (ВЕДУЩИЙ РЕДАКТОР НОМЕРА)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА НАТАЛЬЯ КОРОЛЕВА

ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК ТАМАРА ВОЛКОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОЛЕСЯ МАЗУР

КООРДИНАТОР ПРОЕКТОВ ЯНА РОЗЕНЦВЕЙГ

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЕКАТЕРИНА НАУМОВА

РЕДАКТОРЫ АННА ВАНДЕНКО, МАРИЯ ГРИГОРЯН, ЗАЛИНА ДЗЕРАНОВА,
ВЕРА ЖЕЛТОВА, ЕЛЕНА ЛАНКИНА, ИРИНА МАЙОРОВА, МАРИНА ПОРК, ЮННА ЧУПРИНИНА

ДИЗАЙНЕР НАДЕЖДА ПОЛИЩУК

БИЛЬД-РЕДАКТОРЫ АНТОН ЖУКОВ (ЗАВ. ФОТОСЛУЖБОЙ), ЕКАТЕРИНА ШУТЫЛЕВА

РЕДАКТОР ПРОВЕРКИ ТАТЬЯНА СМИРЕНСКАЯ

КОРРЕКТОРЫ ГАЛИНА ЛЯШЕНКО, ЛЮБОВЬ ШАХОВСКАЯ

ВОДИТЕЛЬ АЛЕКСАНДР КИСЛОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ 125080, МОСКВА, ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ, Д. 5А

E-MAIL KOLLEKTSIA@7DAYS.RU **ТЕЛ./ФАКС (495) 753-41-39, 753-41-25**

РЕДАКЦИЯ В ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ НЕ ВСТУПАЕТ.

РУКОПИСИ, НЕ ПРИНЯТЫЕ К ПУБЛИКАЦИИ, НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

ПЕРЕПЕЧАТКА МАТЕРИАЛОВ (ФОТО И ТЕКСТОВ) БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ РЕДАКЦИИ ЗАПРЕЩЕНА.

ЗА СОДЕРЖАНИЕ РЕКЛАМЫ РЕДАКЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕТ.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ИГОРЬ СВИРИН **ТЕЛ. (495) 753-41-43**

ДИРЕКЦИЯ ПО РЕКЛАМЕ НАНА ЦОБЕХИЯ (**ДИРЕКТОР**), ИРИНА МЕНАБДЕ (**ЗАМ. ДИРЕКТОРА**),

ИРИНА ЛЮТИКОВА (**СТ. МЕНЕДЖЕР**), ОЛЬГА ВАСИЛЕВСКАЯ, СВЕТЛАНА ДОЛГИХ, НАТАЛЬЯ ИВАНОВА, ЮЛИЯ МОКРЕЦОВА,
НАДЕЖДА НОВИКОВА, ИРИНА ПАНФИЛОВА, ВИКТОРИЯ СОКОЛОВА, ЕКАТЕРИНА ДЕВЯТОВА (**КООРДИНАТОР**)

ТЕЛ. (495) 753-41-45, 753-41-46, 753-11-11, 753-11-12, ФАКС 753-41-48

ДИРЕКЦИЯ ПО МАРКЕТИНГУ МАРИНА ЦХОВРЕБОВА (**ДИРЕКТОР**) **ТЕЛ. (499) 195-92-36,**

ДИРЕКЦИЯ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ТЕЛ./ФАКС (495) 753-41-04, ДИРЕКЦИЯ ПО РАЗВИТИЮ ПРОИЗВОДСТВА

**ТЕЛ. (495) 753-41-43, ДИРЕКЦИЯ ПО ЭЛЕКТРОННЫМ МЕДИА ТЕЛ. (495) 984-82-01, ДИРЕКЦИЯ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ
ТЕХНОЛОГИЯМ** ЛЕВ ГАЛУСТОВ (**ДИРЕКТОР**), **ДИРЕКЦИЯ ПО ПРЕ-ПРЕСС ТЕХНОЛОГИЯМ**

АНДРЕЙ ФЕДЫНА (**ДИРЕКТОР**), ИГОРЬ ЗАХАРОВ (**ЗАМ. ДИРЕКТОРА**), АНДРЕЙ АМУРСКИЙ, МИХАИЛ АРГЮХИН,
РОМАН БАЛАШОВ, ОЛЕГ БОБРОВ, АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ, СЕРГЕЙ ГОЛЬЦЕВ, СЕРГЕЙ КОРОСТЕЛЕВ, МАКСИМ СЕМЕНОВ,
АНТОН СОКОЛОВ, МАРГАРИТА СТАРЦЕВА, ВАЛЕРИЙ ЧИЖ

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В СФЕРЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ № ФС77-28325 от 11 июня 2007 года

№ 09 (63) СЕНТЯБРЬ 2013

ПОДПИСАН В ПЕЧАТЬ 15.08.2013 г.

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ MOHN MEDIA MOHNDRUCK (ГЕРМАНИЯ)

ТИРАЖ 825 500 экз.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

СОГЛАСНО ФЗ ОТ 29.12.2010 №436-ФЗ ЖУРНАЛ «КОЛЛЕКЦИЯ КАРАВАН ИСТОРИЙ» ОТНОСИТСЯ К КАТЕГОРИИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ, ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ.

коллекция **КАРАВАН**
историй

стр. 44

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА ЗВЕЗД

44

Светлана Светикова
Не представляю жизни
без тебя

74

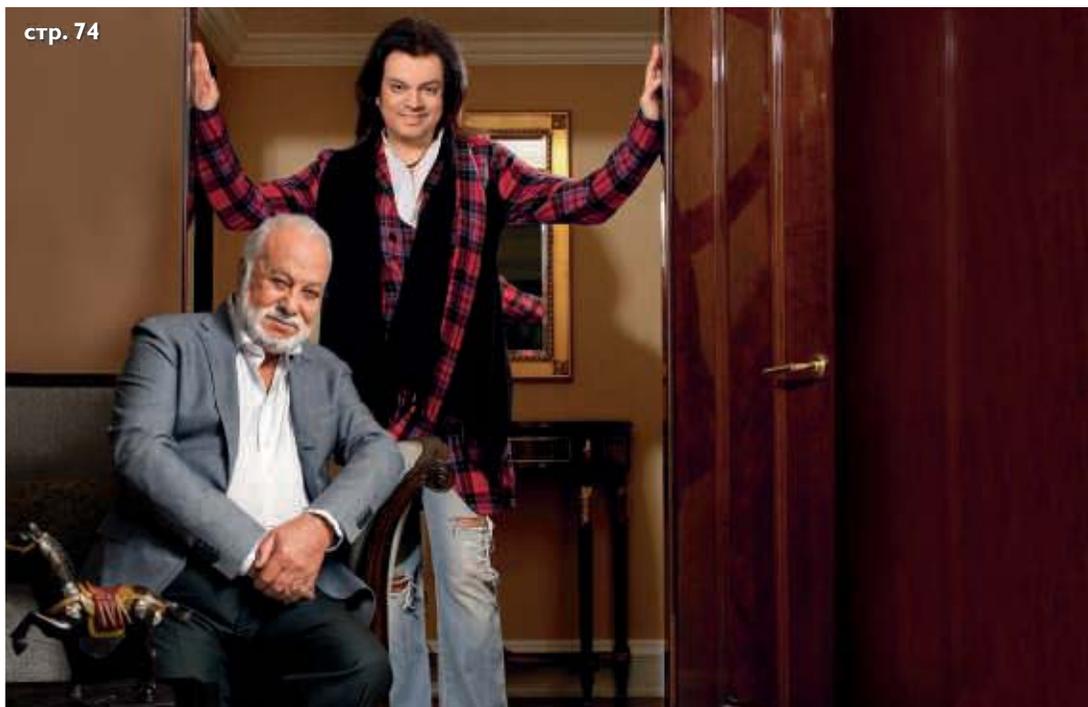
Бедрос Киркоров
Однолюбы

146

Мария Селянская
Дочка

стр. 146

стр. 74

стр. 116

10

Евгения Крюкова
Вкус шоколадного масла

ИСКУССТВО ЖИТЬ

116

Винзоры
Цена королевской крови

ИМЕНА

180

Ирина Балабанова
Короткое счастье

ФАНТАЗИИ

Проекты
Екатерины
Рождественской

106

Театр одного актера

174

Мужчина и женщина

стр. 180

стр. 106

КОЛЛЕКЦИЯ КАРАВАН ИСТОРИЙ

Каждый из нас видит свое дитя в радужном свете. Странно, если бы было иначе. Вот и Бедрос Киркоров, мемуары которого опубликованы в этом номере, считает, что его сын очень добрый и незлобивый, а скандалы с «розовыми кофточками» раздуты прессой. Да простят меня коллеги, пострадавшие от эмоциональности короля российской поп-музыки, но тут я согласна с Бедросом Филипповичем. Так уж случилось, что мой собственный опыт подтверждает его слова: да, добрый и да, не мстительный.

Мы тогда работали над самыми первыми выпусками «Коллекции». Я буквально тряслась над каждым номером.

Тот, в котором печатался Киркоров, получился просто шикарным, а его исповедь была настоящим «гвоздем». И вот когда оставалось три дня до типографии, позвонил Филипп: «Почему не прислали для утверждения мое фото на обложку?» — «Какая обложка?! — опешила я. — У нас там ...». — «Кто-о-о?! Вместо меня?! Снимаю материал!»

Начинаю звонить начальству, потом снова Киркорову, и так по кругу — в течение часа. Договориться не получается, а я без этой статьи ну не могу обойтись!

В очередной раз нервно тычу пальцем в мобильник, пытаюсь связаться с руководством. Услышав на том конце трубки «Алло?», в отчаянии кричу: «Это конец! Филипп, ..., все-таки снимает интервью! ... Номера нет!!!» (Яростную тираду перемежают выражения, привести которые не представляется возможным — женщина, как известно, в гневе страшна.)

А в ответ — тишина... Вопрошаю: «Алло?!» И тут раздается тихое: «Нина, это ... Киркоров». Над моей головой разверзлись небеса!

Но происходит чудо. Филипп вдруг произносит: «Ну ладно, без обложки так без обложки. Завтра приеду посмотреть верстку».

И действительно приехал, и был очень мил. Правда, когда я вышла на минутку, спросил в редакции: «А вы знаете, что Нина вчера мне наговорила по телефону?» — «Нет, — не сдают меня девчонки, — не знаем. Но она расстроенная была и какая-то зеленая». — «Зеленая? Это хорошо», — улыбнулся Филипп и все утвердил.

Что это было? Почему он захотел меня спасти? А не подождал, пока не согласимся напечатать материал с обложкой? Может, почувствовал, как важен для меня журнал? Он ведь и сам в работе такой же: если что не так, в гневе страшно-о-о-о!

Еще раз прошу прощения у тех, кто знает другого Киркорова, но у каждого своя история, и за мою я говорю: «Спасибо, Филипп!»

Главный редактор
Нина Нечаева

Фото: Павел Шелканцев
Стиль: Светлана Румянцева
Визаж: Оксана Тасуева
Продюсер: Екатерина Шутылева

ЕВГЕНИЯ КРЮКОВА

ВКУС ШОКОЛАДНОГО МАСЛА

Любовь не терпит компромиссов,
она должна светить, как солнце.
Не испытываешь ничего подобного?
Не обольщайся ложными
надеждами — не стерпится и
не слобится. Не обкрадывай
ни себя, ни того, кто вовсе
не тебе предназначен.

«Мам, я так тебя люблю, так люблю! А ты меня любишь?»

Ну скажи, скажи, а как ты меня любишь? Сильно?» — такую примерно скороговорку слышу я чуть не каждые пять минут от своего сына. Ему — пять, он отнюдь не мямля и не нюня, а редкий бандит и уж точно не страдает от отсутствия взаимности. Миша — младший в семье, он рожден в родительской любви, и это

чувство с каждым годом его жизни только умножается. Так что потребность в постоянных признаниях скорее от избытка эмоций, переполняющих его маленькое сердечко.

Чего греха таить, иногда на очередное «мам, мам!» хочется сказать: «Миш, ну сколько можно?! Отстань!» Но сдерживаюсь и вслух говорю то, что сын мечтает услышать, — и всякий раз получаю удовольствие от того, что произношу эти слова. А как иначе, если у

маленького дорогого мне человечка такая форма проявления чувств. Ведь каждый из нас ждет, чтобы его любили так, как он этого хочет, а не так, как его хотят любить. Но сколько шишек, увы, придется набить, ран и шрамов получить на пути к такому пониманию. И пропорциональна ли длина пути — потеря и ошибок — наполненности человека любовью?..

Не скажу точно, сколько мне лет в этой картинке из

Родители меня любили как прежде, но отдельно друг от друга. Что их развело? Не думаю, что вправе влезать в то, что было между ними

детства, может, чуть больше трех. Иду по улице с мамой и папой. Вернее — мы идем, все вместе, втроем, взявшись за руки. Только что мне купили вожделенное лакомство — шоколадное масло. И кажется, если бы родители не держали так крепко, от распирающей радости я взлетела бы, словно воздушный шарик. Подпрыгивая от нетерпения, сжимаю руку то маме, то папе и поочередно заглядывая им в глаза, повторяю: «Так здорово, правда же, здорово!»

Ну точно как наш Рекс, жаль, нет хвостика — завилляла бы. Жил у нас русский спаниель — четвертый член семьи и моя нянька. Когда я родилась, Рекс был уже по-со-

**Мой папа
Владислав Викторович...**

... и мама **Нина Валентиновна**

бачьи довольно взрослым — семь лет. Мохнатый нянь буквально не отходил от меня. Мама шла с нами гулять, заходила в магазин и спокойно оставляла коляску на улице, поручая дочку заботе Рекса. Мало того что он никого не подпускал к коляске — стоило мне заплакать, пес начинал выть так, что прохожие бегом бежали в магазин и кричали: «У кого ребенок с собакой плачет?»

Делать первые нетвердые шаги училась не в ходунках, а держась за собачью холку, и пес терпеливо сопровождал меня в заманчивых путешествиях по дому. Он успевал лечь прямо под меня, стоило лишь пошатнуться, и приземление мое было мягким. Мохнатый нянь никому не разрешал будить ребенка — только сам. Мама говорила: «Рекс, иди буди Женю!» — он радостно бежал к детской кроватке и просовывал морду через решетку. Первое, с чего начинался новый день, — его влажный нубуковый нос, прикосновение которого ощущала, еще толком не проснувшись, не раскрыв глаз. Я росла вместе с ним. Хотя правильнее сказать — Рекс меня вырастил.

Он страсть как любил мои игрушки, по-своему, по-собачьи. Стоило одной из них оказаться в его власти — через десять минут наступал геймаут: Рекс, совершенно счастливый, лежал на куче мелких

кусочков, оставшихся от какого-нибудь новенького резинового Кота в сапогах.

Но когда я уехала на дачу с детским садом, он вытащил из корзины все игрушки, уткнулся в них, целехоньких, носом и так пролежал до моего возвращения! Его силком выводили гулять на минутку, потом он снова принимал позу тоскующего пса и продолжал лежачую забастовку. Преданная

собачья любовь была важной частью моего счастливого детства и потому — понимания счастья в принципе.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать еще кое-что — к вопросу о том, кого как правильно любить. Однажды пришли гости. И несмотря на наши призывы ничего не давать Рексу со стола, все равно подкармливали его. Из любви к животным,

конечно, — ведь бедную собачонку хозяева голодом морят. Господа! Умоляю, не надо кормить чужих собак!

Рекс заболел: трубчатymi костями ему засорили кишечник. Гости ушли, а беда осталась. Родители срочно вызвали врача, тот сделал какой-то непонятный укол и уехал. Из своей комнаты я услышала, как заплакала мама. Почувствовала: случилось что-то страшное. До сих пор помню запах, вдруг возникший в доме, — странный, незнакомый. Мертвый. Только еще раз в жизни ощутила такой...

Утром впервые за мою маленькую жизнь нубуковый нос Рекса не возвестил мне начало наступающего дня —

он лежал на балконе укутанным в простыню безжизненным свертком. Была зима, сильный мороз. Похоронить любимца должны были на даче в выходные. И пару дней, прилипнув к стеклу, я смотрела на мерзнувшего Рекса и не могла даже прикоснуться к нему. Это было ужасно, необъяснимо.

Мне было всего четыре года, и вряд ли я осознавала, что потеряла любовь. Но с тех пор на всех собак смотрела сквозь слезы. Ко всем встречным псам, даже самым огромным, неслась с распростертыми объятиями, буквально лезла в пасть. Окружающие пытались удержать: «Осторожно, укусит!» — но ни

один никогда меня не тронул. Снова иметь собаку стало тогда главным желанием в жизни. Но почему-то родители меня не слышали. Может, им было просто не до того.

От образовавшейся без Рекса пустоты я стала более чувствительной к погоде в доме, в атмосфере которого поселилось нечто напряженное, тягостное — временами звенело в воздухе натянутой тетивой. Или мне так казалось...

Но я больше никогда не ела шоколадного масла. Не потому что не покупали. Просто вкус его, навсегда связанный для меня с ощущением полноты любви и абсолютного счастья, которым я захлебыва-

Рекс никого не подпускал к коляске, но стоило мне заплакать, начинал выть так, что прохожие кричали: «У кого ребенок с собакой плачут?»

лась, как и мой Миша, осталась лишь воспоминанием о том безоблачном дне...

Когда родители развелись, я была в классе первом-втором. Уже понимала больше, да и, очевидно, в таких случаях дети взрослеют быстрее. Не могу сказать, что потеряла любовь отца. Папа очень многое дал мне в детстве. Всегда брал с собой в отпуск. У него была польская яхта «Мева» — маленькая лодочка с парусом, которая вставала у нас в большой комнате по диагонали. Он сделал в ней каютку, чтобы не заливало

волной и дождем. Собирал друзей с их детьми, и мы тремя экипажами ходили в походы под парусом по огромным водным пространствам — Онежскому озеру, Княжегубскому водохранилищу, Белому морю. Ставили палатки, разбивали лагерь, разводили костры.

Я благодарна отцу за то, что он научил любить лес,

вправе влезать в то, что было между ними. Любовь — тайна божественного присутствия. Кто может знать, как начинается и уходит чувство, которое движет жизнью?

Часто спрашивают: «А что бы вам хотелось сыграть?» Так вот, мне все время хочется еще и еще раз — про любовь. Это то, о чем в любом возрасте можно говорить бесконечно.

никто их порознь не мог себе представить.

Ровесники, они вместе учились в школе, потом вместе поступали в институт. Правда, Милу как дочь репрессированного священнослужителя не приняли — ее отец похоронен на Бутовском полигоне, где расстреливали врагов народа, а брат почти всю жизнь провел в лагерях. Но никакие

От образовавшейся пустоты я стала более чувствительной к погоде в доме, в атмосфере которого поселилось нечто тягостное

многое делать руками. Мы вырезали какие-то лодочки, и у меня ловко выходило обращаться с ножом, даже лучше, чем у мальчишек. И очень рада теперь, что он не возил по модным морским курортам, там я не увидела бы глухарей на ветках и не ела бы малины в одном малиннике с медведем.

С мамой мы тоже рукодельничали, особенно когда я болела и не ходила в детский сад или школу. Помню, как вместе срисовывали с картинок Золушку и толченым разноцветным стеклом из битых елочных игрушек украшали ее волшебное платье. Наверное, в этом причина того, что мои руки не могут быть без дела, постоянно что-то мастерию, шью, рисую. Мамина любовь со мной всю жизнь.

Я хочу сказать, что родители меня любили как прежде, но отдельно друг от друга. Что их развело? Не думаю, что

Потому что сама любовь — бесконечна. Но у каждого есть свое понимание того, что называть этим словом: то есть слово одно — смыслов масса. И все же в начале жизни, думаю, у всех сложилось некое первое и прекрасное представление о любви.

Для кого-то это были Ассоль и капитан Грей, для кого-то Ромео с Джульеттой, мне повезло многие годы наблюдать идеал в жизни — это семья моего дяди, старшего маминого брата. Внешне дядя Валя и тетя Мила не очень монтировались в пару: он — высокого роста, огромный интересный мужчина, она — крохотная, невероятного обаяния женщина. А внутренне они были настолько едины, что сливались в восприятии в одно целое. Если случалось встретить только одного из них, создавалось ощущение, что общаешься с обоими. В общем,

нелепые зигзаги истории не могли победить любовь, что называется — и в горе и в радости.

Нашли вуз, куда разрешено было принимать детей «врагов народа», и Мила сдала экзамены туда. Дядя каждый день встречал ее возле института, потом с работы. Принципиально не вступал в партию, в доме у них часто бывали священники, что совершенно не приветствовалось в советское время. Он ни под кого не подстраивался, просто работал, стал профессором. Эта была пара интеллигентов старой школы: верующие, великолепно образованные люди, кажется, таких сегодня можно найти только в книгах русских классиков.

От них обоих, как от мощного генератора, распространялась энергия любви и жизни. Я очень это чувствовала, и когда не хватало собственных

сил, бежала в их удивительный дом. Они вырастили прекрасного сына, он всего на четыре года младше моей мамы, то есть когда я родилась, брат был уже студентом.

Дяди не стало очень рано, в пятьдесят три года. И вот что поразительно: несмотря на огромность потери, этот дом не стал более холодным, будто их взаимные чувства прони-

обо всех заботилась и утешала. Чтобы избежать склероза, постоянно учила наизусть стихи, много читала. Я частенько пользовалась ее знаниями. Меня тянуло к ней как магнитом, особенно, конечно, когда было худо. И даже не в разговорах или советах дело, порой просто молча посидишь рядом, глядишь и полегчало. Хотя Мила была муд-

В день ее шестидесятилетия (то есть прошло семь лет со дня смерти дяди) мы, родственники, собрались в их доме. Она вдруг выносит тетрадку: «Представляете, я нашла Валин дневник!» Раскрыла и прочла: «Милушке — пятьдесят! Какое счастье, что мы вместе!» Все за столом с трудом сдерживали слезы. Но опять же — в ней не было ка-

Очень рада, что отец не возил меня по модным курортам, там я не увидела бы глухарей и не ела бы малины в одном малиннике с медведем

зали стены, обстановку, сам воздух. Вот заходишь в квартиру — и везде та же любовь! Она никуда не делась, потому что продолжала жить Мила. И меня не покидало очень тонкое чувство постоянного невидимого, но осязаемого присутствия дяди.

Мила очень тосковала по мужу, но грусть ее была какой-то светлой. Никого она не отягощала долгими слезными воспоминаниями, стонами или тем более жалобами. Над столом висел его портрет, и иногда она могла тихо вздохнуть: «Я так без Вали скучаю!» Это был максимум, который Мила себе позволяла. Тридцать долгих лет прожила без него и тридцать лет любила и скучала. Ходила на кладбище как на свидание: сначала каждый день, потом через день, пока здоровье позволяло.

Она не разрешала себе роскоши быть слабой, требующей утешения и заботы, сама

рой женщиной, часто помогала и словом.

А в одной из четырех комнат их просторной квартиры перед иконами горела лампадка. В те богоборческие времена от церкви мы были оторваны, не было даже понимания, что такое храм, иконы. Но эта комната, наполненная непривычным запахом лампадного масла, манила тайной. Казалось, что за обычной дверью — другой мир, который и страшил, и притягивал своей непонятностью, неизведанностью.

У тети было чисто и уютно, но годы шли, обои обтрепались, и она аккуратно приклеивала на стены заплаточки из оберточной бумаги. Родные уговаривали:

— Милочка, ну давай ремонт сделаем?

— Нет-нет-нет! Огромное вам спасибо, но мы же с Валею эти обои клеили! Пусть уж так и будет!

ких-то видимых для нас страданий. Напротив, она, как ребенок, радовалась. И не горем своим, а радостью хотела с нами поделиться: мол — смотрите, какой замечательный подарок сделал мне Валя в день рождения!

Тети не стало год назад. Сын, не дозвонившись ей, приехал — Мила жила одна, сама так хотела. Она лежала без сознания и улыбалась. Это был инсульт, ее забрали в больницу. Но брат делился с нами: «Не могу отделаться от ощущения, что ее не надо было никуда везти! Что ей нравится мир, с которым она соприкоснулась, и мама уже хочет уйти туда!»

Недели через три мы ее хоронили, естественно, в одну могилу с мужем. Как святых Петра и Февронию. Моим дяде и тете не повезло умереть в один день, как этой паре святых, и Мила тридцать лет, очень смиренно и до-

Моего любимого дяди Вали не стало очень рано

ципе начинают задумываться о подобных вещах. Но в то время мальчишки, так казалось, обращали на меня внимание только для того, чтобы в сотысячный раз подшутить. Что уж скрывать, если режиссер Андрей Житинкин давно выдал мой секрет, предмет глубочайших переживаний и комплексов — всему свету.

На уроке, классе во втором, мы учились рисовать кастрюлю, и один мальчик изобразил ручки не так, как положено, а как у чашек — вытянутыми сверху вниз. И наша чудная учительница, звали ее Перекрест Нина Сергеевна — мне этого не забыть никогда! — возьми да воскликни: «Ой, у Васиной кастрюли ручки, как у нашей Жени уши!»

Больно от того, что такой дар любви — счастье избранных. Остальным, как и мне, приходится путем проб и ошибок учиться этому всю жизнь

стойно, несла свой тяжкий крест вдовства. На кладбище я поймала себя на мысли, как спокойно и легко на душе, нет обычной скорби, сопутствующей смерти близкого человека. Вот не грустно — и все тут. Потому что жена наконец дождалась встречи с любимым мужем. И я думаю, что смерть для нее — приобретение и один из самых счастливых моментов за прошедшие три десятилетия.

Если мне и больно, то только от понимания того, что такой дар любви — удел и счастье избранных. Остальным же, как и мне, приходится путем проб и ошибок учиться этому всю жизнь, чтобы смочь, если повезет, хоть в малой степени приблизиться к идеалу.

И я всегда хотела, чтобы в моей жизни было так — как у них! То есть с того самого возраста, когда девочки в прин-

С тех пор не было конца драматизмам.

Одна фраза — и комплекс на двадцать лет! Дорогие учителя, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», но вам вручены детские, очень ранимые души, прошу вас — будьте осторожны!

Став взрослой, я приклеивала уши сначала пластирем, позже — гримерным клеем. Каждое утро встаешь и проделываешь одну и ту же

процедуру — как зубы почистить. Но бывало, на каком-нибудь приеме покрывалась холодным потом, понимая, что забыла взять с собой клей. Только несколько лет назад мои оттопыренные уши прооперировали и переживания ушли в небытие.

Как-то встретилась случайно с одноклассником, мы разговорились, и выяснилось, что он вовсе не замечал моей «огромной» проблемы. Но это было уже спустя годы. А в ранней юности мальчики за мной не ухаживали и я, конечно, думала, что все дело в ушах, поэтому очень хотела стать как все. Была же не то чтобы «белой вороной», но не особенно общительной — в общем, очень домашней, как комнатное растение, девочкой. Удивлялась, когда одноклассники говорили в радостном возбуждении: мол, как круто — сегодня родителей дома нет. Я, напротив, зная, что мама не на работе, со всех ног неслась домой. Подрастая, не бегала по дискотекам, не выпивала, не ругалась матом и не курила. Никогда.

Если это требовалось по роли в кино, просила забивать прямо внутрь сигарет фильтры. В одном из спектаклей приходилось несколько раз на сцене курить «Беломор» — это совсем катастрофа. Набирала, не затягиваясь,

дым, потом выдыхала и чтобы не вдохнуть его снова, наклонялась, якобы поправляя что-то внизу.

Для меня загадка, зачем люди курят, это же противно и невкусно. С детства боролась с мамой. Рисовала плакаты: надломленная сигарета несет мешок, на котором написано «Рак». Она срыва-

ла мои страшилки, говорила: мне нравится, оставь меня в покое. Когда сдалась я, борьбу продолжила маленькая Дуня, моя дочь. Если бабушка курила на лестничной клетке, открывала дверь и приговаривала: «Травись, бабулечка, травись, красотулечка!» Доходило до скандалов: «Женя, чему ты учишь ребенка?!» А в шесть-

**Тетя Мила продолжала
хранить их любовь
тридцать лет**

**На вручении аттестата
в школе**

как все не получилось. Интересно при этом, что единственной девочкой, которой мальчик преподнес на последнем звонке огромный букет сирени, была я.

За многие воспитанные во мне хорошие привычки, имеющие отношение к общечеловеческой культуре, теперь очень признательна родителям. Во время наших прогулок папа покупал мороженое, но, к примеру, перед входом в метро обязательно останавливался: «Доешь, потом поедем». И ни одной бумажки я ни разу не бросила мимо урны. Когда стала водить машину, внутри всегда был пакет с мусором. Доходило до того, что могла остановиться, поднять что-то с асфальта и бросить в пакет.

Я приклеивала уши пластырем, гримерным клеем. Несколько лет назад мои оттопыренные уши прооперировали и переживания ушли

десять лет — раз! — и сама бросила, сказала, что вдруг почувствовала отвращение. Еще один урок любви: никого не надо переделывать против воли, все придет само.

В общем, в юности, стесняясь своей отделенности от большинства, я в какой-то момент подумала: «Наверное, надо и мне все попробовать. Мальчишки станут хлопать по плечу, буду своей в доску!» И попробовала. Целый

день, насилуя себя, заставляла произносить разные матерные слова. Помню, иду с подружкой из школы, ругаюсь и вдруг осенило — надо же плюнуть! Вот как все, смачно, сквозь зубы — на асфальт. И — плюнула! Как же стало противно! Увидела себя со стороны — и прямо поежилась от омерзения. Это был первый и последний день в моей жизни, когда ругалась матом. То есть стать

То же отношение к окружающему миру теперь по эстафете передается и моим детям.

Так что проучилась в школе до конца особняком, не было у меня ни друзей, ни подруг закадычных. Да и училась без энтузиазма. Хотя по жизни бездельницей трудно назвать, мама держала в строгости. Но я становлюсь лентяйкой, если мне не интересно. Когда у нас до восьмого класса был потрясающий

учитель математики, предмет стал самым увлекательным занятием — я первой бежала к доске. Пришел другой — и математику забросила, забыла.

Но всегда хорошо и с удовольствием рисовала, ходила в изостудию. Как-то мама показала мои рисунки художнику, с которым случайно познакомилась. Он посмотрел и сказал: «Да вашей Женечке надо в архитектурный поступать! У нее монументальный рисунок!» — и стал со мной заниматься. Потом посоветовал пойти на подготовительные курсы в МАРХИ. В девятом классе и пошла.

Как-то бегу на занятия, опаздываю, поспешно сбрасываю пальто в раздевалке и

вдруг ловлю на себе пристальный взгляд молодого человека — невозможно прекрасно! У меня, мягко говоря не сильно избалованной вниманием, защеботало в носу. Он, конечно, показался сказочным принцем, хотя, возможно, ничего особенного в нем и не было. Просто точно попал в образ моих девичьих ожиданий, знаете, когда все внутри хором: «Вот оно, наконец-то! Именно так я себе Его и представляла».

И что? Я махнула кудрями и гордо пошла на занятия. Как же иначе с нашим-то воспитанием — девочка не должна сама проявлять интерес, так мама учила. Ну а потом, мало ли почему он смотрит, может, у

меня рога выросли или хвост. Но все время занятий мусолила и так и эдак вопрос «отчего и почему», боясь поверить и отталкивая невероятное предположение, что просто могла понравиться.

По пути домой, в метро, он вдруг догоняет меня на эскалаторе, представляется — и! — просит разрешения проводить! Не знаю, как описать, что творилось внутри, мысли, чувства, ощущения покатились кувырком: что говорить, как себя вести? Потом парень стал названивать, как-то договорились встретиться, вместе погулять. И во время прогулки он вдруг приобнял меня за талию — я, как раненая лань, шарахнулась в сто-

BAON

мужская и женская одежда

www.baon.ru

Интернет-магазин
www.BaonShop.ru

Более 130 магазинов
на территории России

рону: «Как можно?!» По моим понятиям мы года три, не меньше, должны были соблюдать пионерское расстояние. Юноша, очевидно, думал иначе, моя реакция пришлось ему не по нраву, и он исчез с горизонта, совсем.

Было так больно, как никогда раньше. Целый год прошел в рыданиях и страданиях по предмету первой любви.

том всю ночь гуляли по Москве, прошли все Садовое кольцо, и мне был не мил уже не только «мой милый», но и весь белый свет. Мечтала об одном: чтобы он уже куда-нибудь делся и я могла скинуть эти проклятые туфли! Открылось метро, уговорила юношу меня не провожать, и как только он исчез из виду, пошла босиком.

няя девушка устоит перед таким предложением?

И на съемочной площадке я влюбилась! С первого взгляда — и навсегда. В профессию. Поняла, что буду актрисой, вот никогда не хотела, не мечтала, а с этого момента просто знала: буду. Бог весть откуда взявшаяся, совершенно мне не свойственная наглая уверенность яви-

Когда душа скукожилась, как обгоревшая спичка, когда перестаешь даже чувствовать, не то что искать и ждать, тут и приходит любовь...

Он учился на курсах годом старше, и я летом специально ездила в институт во время вступительных экзаменов в надежде «случайно» встретить его среди абитуриентов. Тщетно! Рыдая, возвращалась домой. Однажды мама не выдержала: «Ладно, нет больше сил слушать твои стенания, найду тебе его телефон. Но имей в виду, это будет ошибкой, девочка не должна себя навязывать и первой звонить молодому человеку. Раз пропал, значит — не твое». Но мои заплаканные глаза смотрели на маму с надеждой. Потом вспомнила ее слова, конечно, мама была права. Но это же первое чувство!

Через учебную часть она выяснила номер телефона парня, и я позвонила. Удивительно, но он был очень рад моему звонку. Я впервые напялила мамины туфли на каблуках, и мы пошли на крестный ход — с компанией. По-

летом он снова пропал. И я опять позвонила сама, трубку сняла его мама и почему-то невероятно обрадовалась — мы не были знакомы. Сообщила, что сына в срочном порядке забрали в армию, что он мне звонил — не дозвонился. Дала адрес и сказала, что сын очень ждет моих писем.

Конечно, я уже понимала, что так, как у дяди Вали с тетей Милой, не получается! Но, цепляясь за мечту, написала таки письмо — опять первая. Он был счастлив, потом забрасывал меня письмами каждые три дня, наш эпистолярный роман тянулся два года.

За это время я поступила в архитектурный институт. А рядом с МАРХИ — «Щепка», куда однажды попала на студенческий спектакль. В зале оказался режиссер из Белоруссии, отбирающий молодых актеров, который вдруг меня позвал сниматься в кино. Ну скажите, какая восемнадцатилет-

лась вдруг — и круто развернула жизнь.

Наверное, так происходит, когда свыше подсказывают — это твое. Удивительное ощущение! Чудесное! Когда нет места комплексам, переживаниям, сомнениям — есть абсолютное и спокойное понимание: без этого твоя жизнь невозможна. Я в одночасье бросила архитектурный институт, из-за чего впервые сильно поссорилась с мамой. Она не разделяла моей возникшей как бы на пустом месте уверенности в актерском будущем. Что ж, сегодня, будучи мамой, я ее понимаю.

На этот раз оказалась права я. При поступлении в театральный институт поражаюсь себе: не было ни малейшего волнения, убежденность, что примут, — пятьсот процентов! И меня приняли.

Испытав чувство абсолютной уверенности в правильности выбора, я осознала, что

Встречаешь человека, который становится родным. Не потому что умен и талантлив — не в этом дело. Вот просто твой — и все! Точка

ничего похожего в отношении моего молодого человека нет. И не приняла предложения «прекрасного принца» выйти за него замуж.

Наверное, каждый из нас переживает историю, связанную с первым чувством, похожую на мою или совсем иную, но, думаю, всегда трепетную, трогательную. Ту наивность и чистоту, как и само детство, — и забыть нельзя, и вернуть невозможно. И расставшись с ним, начиная взрослую жизнь, человек приступает к постижению различных способов лукавой

премудрости. К примеру, однажды оттолкнув протянутую к твоему телу мужскую руку, ты понимаешь, что можешь этого мужчину потерять, и получаешь весьма жестокий урок. Женщина включает всю свою изобретательность, чтобы и отстраняясь, удержать. А в результате искренность чувств уступает место игре, а значит — фальши с ее уловками, кокетством, тактикой, пусть сперва и не очень умелой. Но лиха беда начало! И все вместе взятое — это, по сути, потеря душевного целомудрия.

Счастливы те немногие, кому повезло такого избежать. Большинство же движется по лабиринтам жизни с ее приманками и страстями. И на пути к тому единственному человеку, кто предназначен свыше, совершает немало ошибок, попадаясь то на один, то на другой крючок. С годами выясняется, что первоначальный смысл, вложенный в понимание любви, — величина вовсе не постоянная. И он подвергается коррекции, увы, как правило, в сторону девальвации. Вариаций — столько же, сколько

людей. И хотя мы учимся прежде всего на своих ошибках, зачастую и судьбы близких, пропущенные через себя, умножают капитал в копилке собственного опыта.

К примеру, рядом есть человек, который любит тебя — вроде. И ты любишь его — вроде бы. Да, большого и светлого чувства нет. Но ведь так хочется-хочется, чтоб оно бы-

к мечте о своем доме. И все «подвиги домохозяйки» совершались не ради того конкретного мужчины — нет! — для себя, потому что уж очень хотелось сыграть эту роль. Думаю, многим это знакомо. Но, к сожалению, мало кто способен трезво и честно оценить ситуацию вовремя, только с годами. Возраст — та высота, с которой все лучше видно.

Влипнуть в такой союз — все равно что открыть ящик Пандоры: последствия необратимы и пути назад нет, его надо пройти до конца.

Это круче, чем Бермудский треугольник, — едет крыша, разрывается мозг. Но выбраться из дьявольских сетей нет сил. Словно прооперировав невидимым чертовым скальпелем, тебе начисто уда-

Это знание, что я больше не одна, делало меня бесстрашной. Вся беременность таскала бревна на плече, строгала, стучала молотком

ло! И изо всех сил стараешься убедить себя в том, что, может быть, это именно оно и есть, дескать, не у всех ведь одинаково бывает.

А на поверку выходит, что просто поманила свобода от родительской опеки, захотелось самостоятельности, пожить своим домом, где сама станешь хозяйкой. Какое-то время это даже неплохо получается. Вспоминаются мамини слова: «Вот будет у тебя свой дом, там и делай что хочешь!» — и находишь удовольствие в том, что обустриваешь свое гнездышко как заблагорассудится. Радостно несешься в магазин за продуктами, чтобы варить супы, борщи, лепить котлетки, — все это безумно нравится ровно до того момента, пока однажды не понимаешь: рядом совершенно чужой человек!

И поделом! Ведь если честно признаться себе, выбирала человека как приложение

И именно поэтому по пути к этой неизбежной высоте мы умудряемся наступать на те же грабли снова, порой — и не раз. А ведь любовь не терпит компромиссов, она должна светить, как солнце. Не испытываешь ничего подобного? Не обольщайся ложными надеждами — не стерпится и не слобится. Не обкрадывай ни себя, ни того, кто вовсе не тебе предназначен. Увы, может, кому-то и дано это знание как аксиома в самом начале, другим же надо доказывать как теореме с помощью иногда очень болезненных аргументов.

Опять же к примеру, попадает человек в эпицентр вихря невероятных, ранее не испытанных чувств и принимает их за любовь: вот оно — наконец-то! И оказывается в цепких объятиях страсти, ввергающей жертву то в вулкан, то в болото болезненных аномальных отношений.

лили волю. В результате этой кошмарной хирургии, пользуясь компьютерной терминологией, зависают все установленные программы, человека глючит, и очень сильно. Кажется, что твоя реальность выходит за пределы допустимого...

Никто вокруг не понимает этих аномальных отношений, даже самые близкие люди. Весь ужас в том, что и сам пленник страсти осознает абсурдность происходящего, но в наваждении продолжает пребывать в состоянии раздвоения.

Слава богу, ни одна страсть не может пылать вечно — и в этом ее главное отличие от любви. Думаю, никому не удалось выйти из подобных отношений без серьезных потерь — душевных и физических. Обычно человек надломлен, опустошен, вывернут наизнанку. Желаний нет никаких, кроме одного: отполз-